

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник рождественских угощений можно назвать «Выбором шеф-повара», где шеф — это я!

В него включены два главных блюда: «Приключения рождественского пудинга» и «Тайна испанского сундука»; несколько закусок: «Причуда Гриншоу», «Сон» и «Спящая собака» и десерт — «Четыре и двадцать черных дроздов».

«Тайну испанского сундука» можно назвать особенным делом Эркюля Пуаро — в нем он продемонстрировал свои лучшие качества. А мисс Марпл, в свою очередь, всегда гордилась своей проницательностью, продемонстрированной в «Причуде Гриншоу».

Самой же мне больше всего нравятся «Приключения рождественского пудинга», потому что они приятно напоминают мне Рождество моей юности.

После смерти моего отца мы с мамой всегда проводили Рождество с семьей моего двоюродного брата на севере Англии — и что за прекрасные праздники это были для всех детей! В Эбни-Холле было абсолютно все: водопад в саду, быстрый ручей и тоннель под дорогой... Рождественские угощения были достойны самого Гаргантюа. Я была тощим

ребенком, который выглядел очень хрупким, но при этом обладала отменным здоровьем и волчьим аппетитом. Мальчики, жившие в семье, и я обычно соревновались, кто больше съест за рождественским обедом. Суп из устриц и тюрбо проглатывались с энтузиазмом, поле чего наступала очередь индейки жареной, индейки вареной и громадного куска говяжьего филея. Обычно мы с мальчиками съедали по две порции каждого из этих трех блюд. А потом наступала очередь пудинга, сладких пирожков, бисквитов и различных десертов. Весь день мы безостановочно поглощали шоколад. И нам вовсе не становилось плохо! Какое счастье, когда тебе всего одиннадцать лет и ты такой голодный...

Какой же это роскошный день, который начинается с «носков» поутру, посещения церкви и церковных гимнов и продолжается рождественским обедом, подарками и, наконец, зажиганием рождественской елки!

И как же я благодарна доброй и гостеприимной нашей хозяйке, которая так много трудилась, чтобы даже сейчас, будучи пожилой дамой, я все еще помнила те рождественские праздники!..

Поэтому позвольте мне посвятить эту книгу памяти Эбни-Холла, его доброте и гостеприимству.

И хорошего Рождества всем, кто прочитает эту книгу.

Агата Кристи

ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ПУДИНГА

I

— Мне чрезвычайно жаль... — начал было Эр-кюль Пуаро.

Но его прервали. Не грубо, нет. И не резко. А изящно, учтиво и очень убедительно.

— Прошу вас, подумайте, месье Пуаро. Речь идет об интересах государства. Ваша помощь будет с благодарностью воспринята на самом верху.

— Вы слишком добры, — тот неопределенно махнул рукой, — но я правда не могу сделать то, о чем вы меня просите. В это время года...

И вновь мистер Джесмонд прервал его.

— Рождество, — произнес он как можно убедительнее. — Традиционное Рождество в английской сельской местности.

Пуаро невольно вздрогнул. Сама мысль о сельской местности в это время года показалась ему малопривлекательной.

— Старое доброе Рождество, — с нажимом произнес мистер Джесмонд.

— Я... я, знаете ли, не англичанин, — заметил маленький бельгиец. — У меня в стране Рождество — это детский праздник. Сами же мы празднуем Новый год.

— А, ну да, — согласился мистер Джесмонд. — Но в Англии Рождество — это обязательное мероприятие, и я уверяю вас, что в Кингс-Лэйси вы увидите его лучший вариант. Это совершенно очаровательный старый дом, знаете ли. Кажется, одно из его крыльев было построено в четырнадцатом веке.

Пуаро вновь вздрогнул. Мысль об английской усадьбе четырнадцатого века вызвала у него мрачные предчувствия. Слишком часто ему приходилось мучиться в исторических зданиях в английской глубинке. Сыщик оценивающим взглядом окинул свою удобную, современную квартиру с ее радиаторами и самыми последними патентованными приспособлениями, гарантирующими отсутствие любых сквозняков.

— Зимой, — произнес он твердым голосом, — я не покидаю Лондон.

— Мне кажется, месье Пуаро, вы не до конца понимаете всю серьезность происшедшего. — Мистер Джесмонд посмотрел на своего компаньона, а потом вновь перевел взгляд на Пуаро.

Второй посетитель до сих пор хранил молчание, произнеся лишь вежливое и официальное

«здравствуйте». Сейчас он сидел, глядя прямо на свои отлично вычищенные ботинки, и на его лице цвета кофе застыло выражение глубочайшего уныния. Он был молод, не более двадцати трех лет от роду, и его явно что-то чрезвычайно огорчало.

— Да, да, — сказал Эркюль Пуаро. — Конечно, все очень серьезно. Я это понимаю. И выражаю свое глубочайшее сочувствие Его Высочеству.

— Ситуация чрезвычайно деликатная, — добавил мистер Джесмонд.

Детектив перевел взгляд с молодого человека на его более старшего компаньона. Если бы кто-то решил охарактеризовать мистера Джесмонда одним словом, то выбрал бы слово «заурядность». Все в нем было заурядно. Отлично сшитая, но неприметная одежда, приятный, хорошо поставленный голос, который редко выходил за рамки монотонности, светло-каштановые волосы, уже начавшие редеть на висках, бледное серьезное лицо. Пуаро показалось, что в свое время он знал не одного, а десятки подобных мистеров Джесмондов, которые все рано или поздно произносили одну и ту же фразу: «Ситуация чрезвычайно деликатная».

— Знаете, — заметил он, — полиция тоже умеет быть очень тактичной.

Мистер Джесмонд решительно покачал головой.

— Только не полиция, — произнес он. — Чтобы получить назад... э-э-э-э... то, что мы хотим

получить, нам неизбежно потребуется применить соответствующие процедуры в суде, а мы так мало знаем... Мы подозреваем, но не знаем наверняка.

— Сочувствую вам, — повторил Пуаро.

Если он думал, что сочувствие хоть что-то значит для его посетителей, то он глубоко ошибался. Они искали не сочувствия, а конкретной помощи.

Мистер Джесмонд вновь заговорил о прелестях английского Рождества.

— Знаете ли, оно постепенно умирает, — распинался он, — это традиционное Рождество. Сейчас люди предпочитают праздновать его в отелях. А английское Рождество — это когда собирается вся семья, дети получают свои носки, наряжается елка, к столу подаются индейка и плам-пудинг, хлопают рождественские хлопушки, а за окном видно снеговика...

Любовь к истине заставила Эркюля Пуаро прервать его излишняя.

— Для снеговика необходимо иметь хоть какой-то снег, — строго заметил сыщик. — А он по заказу не выпадает, даже во время английского Рождества.

— Я как раз сегодня общался со своим другом из метеорологической службы, — ответил мистер Джесмонд, — и тот сказал, что вероятность снегопадов в это Рождество довольно высока.

А вот этого как раз говорить не стоило. Дрожь, охватившая Пуаро, на этот раз была гораздо сильнее, чем прежде.

— Снег в сельской местности! — вырвалось у него. — Отвратительнее не придумаешь. Громадная холодная каменная усадьба...

— И вовсе нет, — прервал его мистер Джесмонд. — За последние десять лет или около того все сильно изменилось. Появилось центральное отопление на мазуте.

— Вы хотите сказать, что в Кингс-Лэйси есть центральное отопление на мазуте? — уточнил Пуаро. Кажется, он впервые заколебался.

Мистер Джесмонд не преминул ухватиться за эту возможность.

— Ну конечно, — сказал он. — А еще отличная система нагрева воды. Радиаторы установлены в каждой комнате. Уверяю вас, мой дорогой месье Пуаро, зимой Кингс-Лэйси — это воплощение комфорта. Возможно, дом покажется вам даже слишком теплым.

— А вот это вряд ли, — заметил детектив.

С профессиональной сноровкой мистер Джесмонд слегка изменил тему разговора.

— Вы же понимаете, какая страшная дилемма стоит перед нами, — заговорил он доверительным тоном.

Пуаро согласно кивнул. Проблема действительно была серьезная. Молодой наследник,

единственный сын правителя богатого и важного протектората¹, несколько недель назад появился в Лондоне. В его стране зрело недовольство и наблюдались тревожные тенденции. И хотя общество продолжало поддерживать отца наследника, который, несомненно, ориентировался на Восток, к молодому поколению у него, общества, было много вопросов. Вся блажь этих молодых людей пришла с Запада, и поэтому смотрели на нее с неодобрением.

Однако совсем недавно было объявлено о помолвке наследника. Он должен был жениться на своей кровной кузине — молодой женщине, которая, несмотря на то что получила образование в Кембридже, была достаточно умна, чтобы выступать против западного влияния в своей стране. Была назначена дата свадьбы, и молодой принц отправился в Англию, захватив с собой кое-какие фамильные драгоценности, чтобы фирма «Картъе» поменяла их оправы на более современные. Среди этих драгоценностей находился один знаменитый рубин, который известные ювелиры извлекли из старомодного громоздкого ожерелья, придав ему новый, современный вид. И все было бы хорошо, если б не одно «но». Никто не ждал от молодого человека, обладающего таким состоянием и ком-

¹ В данном случае имеется в виду суверенное территориальное образование в Британской Индии.

Приключения рождественского пудинга

панейским характером, что в поездке он будет вести монашеский образ жизни и не позволит себе некоторые вольности. Это как раз не вызвало бы никакого неодобрения. Считалось, что молодым принцам подобные развлечения положены по статусу. Прогулка с девушкой по Бонд-стрит, во время которой он одарил бы ее браслетом с изумрудами или сережками с бриллиантами в качестве благодарности за доставленное удовольствие, считалась бы вполне естественной и допустимой, особенно на фоне всех тех «Кадиллаков», которые его отец постоянно дарил каждой своей «нынешней любимой танцовщице».

Но принц позволил себе совершить опрометчивый поступок. Польщенный интересом молодой леди, он показал ей рубин в новой оправе, а позже был настолько неблагоразумен, что согласился на то, чтобы она надела его всего на один вечер!

Печальные последствия не заставили себя ждать. Во время ужина леди вышла из-за стола, чтобы попудрить носик. Прошло много времени, но она не вернулась. Покинув заведение через запасной выход, растворилась в воздухе. И самым важным и неприятным было то, что рубин исчез вместе с ней.

Таковы были факты, которые не могли стать достоянием общества, без того чтобы не произвести чрезвычайно прискорбный эффект. Рубин был

не просто рубином — он являлся очень важным историческим артефактом, а история его исчезновения была такова, что любая утечка в средства массовой информации могла привести к тяжелейшим последствиям политического характера.

Мистер Джесмонд был не из тех, кто излагает факты простым и доступным языком. Он утопил их в целом море пустословия. Эркюль Пуаро не знал, кем в действительности является мистер Джесмонд. Но ему приходилось встречать подобных мистеров и раньше. Был ли он связан с Форин офис¹, Министерством внутренних дел или какой-то еще более засекреченной службой, не разглашалось. Он действовал в интересах Содружества наций². И рубин должен был быть возвращен.

При этом мистер Джесмонд деликатно намекал на то, что месье Пуаро — единственный, кто может это сделать.

— Возможно, — согласился с ним маленький бельгиец. — Но у вас так мало информации... Предположения, подозрения — из всего этого каши не сварить.

— Но послушайте, месье Пуаро, я уверен, что вам это по плечу. Возьмите же себя в руки...

¹ Так в Англии называют Министерство иностранных дел.

² Одно из названий Британской империи.

— Я не всегда добиваюсь успеха.

От этой фразы за версту разило притворной скромностью. По тону Пуаро было очевидно, что для него согласие взяться за дело практически равносильно его успешному раскрытию.

— Его Высочество очень молод, — сказал мистер Джесмонд. — Было бы очень печально, если бы эта ошибка юности испортила всю его жизнь.

Пуаро с симпатией взглянул на убитого горем молодого человека.

— Юность — это время безумств, — подбодрил он его. — Но для обычного молодого человека это мало что значит. У него есть хороший папа, который за него платит, семейный адвокат, который помогает решать проблемы, — так что этому молодому человеку остается лишь учиться на собственном опыте, и все для него закончится хорошо. А вот для человека в вашем положении все гораздо сложнее. Приближающаяся свадьба...

— Именно. Именно так. — Молодой человек впервые открыл рот. — Понимаете, она очень, очень серьезная. И к жизни относится очень серьезно. В Кембридже нахваталась всяких идей... Что в моей стране люди должны получать образование. Что в ней должны быть школы. И много чего еще. И все это во имя прогресса, как вы понимаете, и во имя демократии. Жизнь не может продолжаться так, как шла во времена моего отца.